

По мере приближения каравана лицо Ли Чжаоина становилось всё чётче, и Ли Гуаньцзин невольно замер, наконец поняв, что имел в виду Фан Шэн.

Ли Чжаоин не мог быть тем юношей, которого Фан Шэн встречал когда-то, потому что он и Ли Гуаньцзин не походили на обычных близнецов, рождённых в один день. Оба были очень милостивы, но единственное, что их объединяло, — это унаследованные от князя глаза-фениксы.

— Может, мы разнояйцевые? — тихо пробормотал Ли Гуаньцзин.

Для Ли Чжаоина же Ли Гуаньцзин почти не отличался от того юноши, которого он помнил. В бесчисленных мечтах взрослый Ли Гуаньцзин должен был выглядеть именно так, разве что стал куда худощавее — видно, за эти годы пришлось нелегко.

Оцепенение Ли Гуаньцзина длилось лишь миг. Он уже подготовился к разному, и хоть ситуация оказалась неожиданной, она не застала его врасплох. Ли Чжаоин спешил к ворот почтовой станции, быстрыми шагами подошёл к брату, и его глаза засветились от радости.

— Старший брат!

— Младший брат, давно не виделись, — мягко отозвался Ли Гуаньцзин.

Однако следующий жест Ли Чжаоина поразил его — тот шагнул вперёд и крепко обнял Ли Гуаньцзина, вмиг сократив дистанцию между ними. Ли Гуаньцзин на мгновение застыл, смутно осознавая: вот он, его брат.

Позади у ворот остановилась карета. Женщины в широкополых шляпах вышли из неё. Ли Чжаоин тут же обернулся, чтобы помочь пожилой вдовствующей княгине, но на его лице уже не было и следа той радости, что светилась минуту назад. Он всё ещё улыбался, однако Ли Гуаньцзин почувствовал, как настроение внука мгновенно пошло на спад.

Ли Гуаньцзин приблизился и поклонился.

— Здравствуй, бабушка.

Вдовствующая княгиня кивнула, и тон её прозвучал сухо:

— Мы проделали долгий путь и устали. Полагаю, твоя мать не желала бы, чтобы ты здесь простудился. Войдём.

— Хорошо. Бабушка, вы, наверное, измотаны. Не отужинать ли сначала?

— М-м, — буркнула она. — Хорошо, что подумал о старухе. Веди.

Ли Гуаньцзин кивнул смотрителю станции, и тот вышел встречать гостей. Вдовствующая княгиня на миг задержала шаг — словно хотела увидеть, почему ведёт не сам Ли Гуаньцзин. Но шляпа мешала движению, она лишь слегка повернула голову и тут же вернулась в прежнее положение. Придаться было не к чему, и она проследовала за смотрителем внутрь.

Си Фэн с беспокойством взглянул на Ли Гуаньцзина, но тот лишь улыбнулся в ответ, не говоря ни слова. Вдовствующая княгиня не любила княгиню, не была близка с князем и, конечно же, не питала нежных чувств к их воспитанному сыну. Сегодня Ли Гуаньцзин то проявлял трогательную заботу, то действовал наперекор её ожиданиям, но каждый его шаг был выверен.

Он понимал: с вдовствующей княгиней необходимо соблюдать формальности, но при этом оставаться верным своим принципам — без стыда и страха, без унижений и заискиваний.

Смотритель отгородил в главном зале угол ширмой специально для вдовствующей княгини и её свиты. Когда все четверо уселись, стражи вышли, оставив лишь двух служанок и матушку. Те помогли вдовствующей княгине и младшей госпоже Се снять шляпы. Взгляд Ли Гуаньцзина скользнул по лицу вдовствующей княгини — перед ним была женщина лет шестидесяти, с опущенными уголками губ и нависшими веками; даже морщины казались суровыми.

Вдовствующая княгиня подняла на него глаза, бегло оглядела с ног до головы и изрекла:

— Князь писал, что ты заболел.

— Огорчать старших своим нездоровьем — проявление сыновней неблагодарности, — ответил Ли Гуаньцзин.

— Брату сейчас лучше? — спросил Ли Чжаоин.

Ли Гуаньцзин кивнул, и его взгляд перешёл на младшую госпожу Се. Мельком оценив, он предположил, что девушка примерно ровесница Чай Синь, миловидная, со светлой кожей — типичная красавица с южных рек.

— Я ещё не представил брату. Это наша двоюродная сестра, Се Юньшу, — сказал Ли Чжаоин, обмакнув палец в воду и начертав на столе иероглиф «Юнь».

Ли Гуаньцзин улыбнулся Се Юньшу и мягко произнёс:

— «Камень, скрывающий нефрит, озаряет гору сиянием». Должно быть, младшая сестра богата знаниями, а её дух переполнен благородством.

— Старший брат слишком щедр на похвалы, — тихо ответила Се Юньшу.

Закончив обмен любезностями, Ли Гуаньцзин заметил, что на кухне станции как раз подали ужин. Сам он уже был сыт, поэтому лишь делал вид, что ест, украдкой наблюдая за остальными. Се Юньшу ела медленно и аккуратно, как и подобает девушке. Ли Чжаоин же, видимо, изрядно проголодался — сначала принялся быстро уплетать, но стоило вдовствующей княгине кхе-кхекнуть, как его рука с палочками замерла, и темп замедлился. Ли Гуаньцзин отвел взгляд, размышляя об отношениях внука и бабки, как вдруг снова услышал то же кхе-кхе. Он поднял глаза и увидел, что рука Ли Чжаоина застыла на полпути — похоже, он собирался положить что-то в пиалу Се Юньшу.

— Я пойду распоряжусь насчёт еды для остальных. Если что-то понадобится, бабушка, позовите, — сказал Ли Гуаньцзин, видя, что его присутствие лишь сковывает трапезу, и решив удалиться.

Вдовствующая княгиня молча откусила кусочек, не проронив ни слова.

Ли Чжаоин сжал губы, затем поднял голову и улыбнулся брату:

— Спасибо за заботу, брат. По возвращении я к твоим услугам.

После целого дня в пути все были измотаны. Ли Гуаньцзин, уладив все вопросы с едой и отдыхом, наконец получил от вдовствующей княгини разрешение вернуться в свою комнату.

Не медля ни мгновения, он умылся и лёг спать, чтобы набраться сил для завтрашнего перехода.

Едва Ли Гуаньцзин вышел из покоев вдовствующей княгини, та закрыла глаза, и служанки принялись массировать ей плечи и ноги. Спустя некоторое время в комнату бесшумно вошла матушка.

— В покоях старшего господина свет погасили.

— Беспутная старуха, — фыркнула вдовствующая княгиня. — Уже следуешь его указаниям и меняешь обращение?

Матушка опустила голову.

— Такие мелочи не стоят споров.

Вдовствующая княгиня подумала и решила, что резон в этом есть, потому не стала развивать тему, а спросила:

— А Ин и Юньшу где?

— В своих покоях.

Вдовствующая княгиня открыла глаза. Служанка, поняв намёк, поправила её одежду и помогла подняться. В сопровождении матушки та направилась в комнату Ли Чжаоина.

Ли Чжаоин сидел при свете лампы, перебирая в пальцах маленький нож длиной в три цуня, лицо его было задумчиво. Услышав шаги, он быстро вложил клинок в ножны, сунул в рукав, но не встал, а лишь взял со стола книгу.

Дверь распахнулась без стука. Ли Чжаоин обернулся и, как и ожидал, увидел вдовствующую княгиню на пороге. Он поднялся и поклонился.

— Бабушка, вы ещё не спите?

Вдовствующая княгиня усмехнулась, знаком велела матушке выйти и закрыть дверь. Оставшись наедине с внуком, она уселась за стол и холодно бросила:

— На колени!

Ли Чжаоин, ничуть не удивившись, тут же опустился на колени.

Щёки вдовствующей княгини дёрнулись — явный знак гнева. Особенно её бесило то, что внук выглядел совершенно безучастным.

— Что это сегодня было? Ты забыл, чему я тебя учила?

Ли Чжаоин поднял голову.

— Простите, бабушка, внук глуп, не понимаю, о чём вы.

— Не понимаешь? — фыркнула она. — Что я говорила тебе перед отъездом? Трое из резиденции князя — наши враги. Почему ты сегодня вёл себя с ним так по-родственному?

— Он мой брат, — спокойно ответил Ли Чжаоин. — Кровь гуще воды. Было бы странно, если бы я вёл себя иначе.

Вдовствующая княгиня прищурилась.

— Что? Теперь ты вырос и возомнил, что можешь иметь своё мнение и не слушаться меня?

— А что вы хотите, чтобы я делал? — парировал он.

— Ты не ведаешь, как коварны людские сердца. Потому я и учу тебя, что должно делать. Разве я стану тебе вредить? Кто в этом мире, кроме меня, будет к тебе по-настоящему добр?

Ли Чжаоин закрыл глаза. На лице его отразилась усталость. Помолчав, он медленно произнёс:

— Если так, зачем же вы тогда наняли учителя, чтобы тот обучал меня грамоте?

Вдовствующая княгиня опешила.

— Что?

Он устремил взгляд на пламя свечи, и голос его прозвучал печально.

— Вам не следовало позволять мне учиться. Останься я невеждой, несмышлёным и бестолковым — я бы полностью следовал вашим словам. Но вы велели мне читать книги мудрецов, научили различать правду и ложь, добро и зло. И вот во мне родились собственные мысли. Как же я могу позволить другому лепить моё сознание, как глину?

Лицо вдовствующей княгини почернело от ярости.

— Так ты не в том меня упрекаешь, что дала тебе образование! Ты говоришь, что я, старуха, не различаю правды и лжи, добра и зла!

— Внук не смеет, — солгал Ли Чжаоин.

Вдовствующая княгиня вскочила и направилась к двери.

— Стойшь тут на коленях, пока не одумаешься!

Ли Чжаоин не ответил.

<http://bllate.org/book/15944/1425324>